

29 апреля 1984 г., № 99 (19902)

В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Писателю Виктору АСТАФЬЕВУ — 60 лет

...Он представляется мне как человек, уже не молодой, с усталыми и мудрыми глазами, с сединой на висках и очень простой речью, которую сразу же воспринимаешь, как давно знакомую, родную, с такой же легкой, очень доброй улыбкой...

Но это все мои фантазии. Откинем их, возьмем Большую Советскую Энциклопедию:

«Астафьев Виктор Петрович (р. 1.5.1924, с. Овсянка Сов. р-на Красноярск край) русский советский писатель. В детстве был беспризорным, воспитывался в детском доме. Участник Великой Отечественной войны. Начал печататься в 1951...»

Вот такая коротенькая справка...

Далее идут названия первых книг, сказано, где и когда они были напечатаны... Потом, как водится, сказано еще, кто про этого писателя написал критические статьи... (Две всего, авторы А. Макаров, замечательный критик, рано ушедший из жизни, и ныне хорошо работающий в литературе В. Сурганов).

...Итак, вот какая подробность биографии замечательного русского советского писателя Виктора Петровича Астафьева: он родился первого мая...

Нынче ему исполняется ровно шестьдесят лет.

I.

Вот его детство.

Взял его бестолковый и беспутный отец ловить «легкую» рыбу: надо идти через тайгу, потом через болота, а там и ловить.

«Комары развели мне шею в сырое мясо, разделали ее в фарш. Ситечко накомарника, сотканное из конского волоса, пришито было «на лицо» домодельными нитками — стежки крупные, время и носка проделали вокруг намордника ячейки, вроде бы едва и заметные, но в них один за другим лезли комары, как наглые и юркие ребятишки в чужой огород. Я давил опившихся комаров ладонью, хлопая себя по наморднику, и потому весь накомарник был залпан спекшейся кровью. Но скоро я перестал давить комаров, лишь изредка в ярости стучал самого себя кулаком в лицо так, что искры и слезы сыпались из глаз, и комары сыпались переспелой красной брусничкой за воротник брезентовой куртки, их там давило, растирало, воротник отвердел от пота, крови, прилипал к обнаженной шее».

Так вел сына на легкий улов отец. Так запомнилось детство писателю — крохотная вроде бы подробность, случайная вроде бы «деталь» — ну, пошли рыбу ловить, ну, просчитались, потому что отец оказался недотепой...

«В детстве мы получаем золотой клубок впечатлений, нити которого потом распутываем всю свою жизнь», — так сказал один из самых замечательных русских людей Петр Ильич Чайковский.

Я очень люблю эти слова, и часто их повторяю, особенно, когда меня приглашают на встречи с подростками.

Но доведу рассказ про маленького Витю Астафьева, которого отец силой утащил на «легкую» добычу рыбы, а потом, поняв, что такое комары (или гнус), что такое опыт сибиряков, которые не ходили на эту «легкую» рыбку, понимая, что в таких походах пропадешь, маленький человек Виктор Астафьев вынес на всю свою долгую жизнь такой урок:

«Уже не сопротивляясь комару, безразличный ко всему на свете, не слышавший ни боли, а лишь ожог от головы до колен (ноги комары не могли кусать: в сапоги, за голяшки, была натолкана трава) упал на сочащуюся рыбными взгорьями котомку и отлежался.

С трудом встал, пошел один. Вот тогда-то и понял я, что не будь затесей при слепящем меня гнусе, тут же бы потерял я след, а гнус ослабевшего телом и духом зверя, человека ли добывает моментом. Но затеси, беленькие, продолговатые, искрящиеся медовыми капельками на темных стволах кедров, елей и пихт вели и вели меня вперед, и что-то дружеское, живое было мне в светлячком мерцающем впереди меня пятнышке. Мета-пятнышко манило, притягивало, звало меня, как теплый огонек в зимней пустынной ночи зовет одинокого усталого путника к спасению и отдыху в теплом жилище».

Вот почему одну из лучших своих книг, последнюю по времени (Красноярское книжное издательство, 1982 год), он назвал «Затеси»...

Затеси...

Это и не короткие рассказы, это и не стихотворения в прозе, и не «эссе», на которые так падки современные прозаики, это — путеводные меты для нас с тобой, читатель. Идя по ним, видя их, набираешь высоту, набираешь то мощное дыхание, которое поможет тебе пройти по самым трудным дорогам, определить самые верные ориентиры в жизни, понять, что наше коммунистическое отношение к миру — наивернейшее.

II.

Тяжелейшее выпало на его долю детство. Беспутный отец, детдом, злость на весь мир и вот — война...

Самое замечательное в судьбе писателя, человека, о ком веду речь, что злости — ни капельки не осталось, что шел он на войну добровольцем по зову сердца, по естественной потребности русского советского человека...

Он шел воевать, чтобы в мире восторжествовали раз и навсегда — добро, справедливость, правда...

Да, он был романтичен, да же наивен. Ну и что же?

Да, он был легко раним — духовно.

Да, он был открыт всем пулям войны.

Он написал о любви на войне. Он написал о том, что и не снилось ни Ремарку, ни Хемингуэю, которые, как и он, испытали ад войны. Но им и не могла даже случайно залететь эта мысль — что на войне можно умереть не от пуль, а от любви.

Они, знатоки любви, телесных наслаждений, которые так прекрасно описали, они, великодушные люди, замечательные писатели, которыми мы восхищались в юности, они не поняли того, что понял наш русский боец, писатель — что на войне можно умереть от любви...

Да, да, читатель, друг мой дорогой... И если ты еще не прочел повесть Виктора Астафьева «Пастух и пастушка» — горячо рекомендую тебе ее прочесть...

Говоря о войне, он нашел слова, какие не были сказаны никем из его ровесников, бойцов, вернувшихся с фронта. Они, даже самые лучшие, радовались тому, что вернулись... Да и можно ли осуждать за это? Победили, вернулись... Ну, повернется ли язык кого-то винить за эту радость? Нет, разумеется...

А вот писатель Виктор Астафьев говорит:

«Чем я лучше тех молодых парней, которых сам закапывал на обочинах военных дорог? За что судьба даровала мне счастье жизни? Достойн ли я его, этого счастья?»

Вы только подумайте: эти вопросы задает не тыловик, не снабженец какой-нибудь (хотя и снабженцы очень были нужны), а солдат, бывший с винтовкой в руке на самой что ни есть передовой сражения человечества — ибо Ве-

лика Отечественная и была борьбой за человечество...

Он уцелел, на наше счастье, вылечился, окреп после ран, закончил Высшие литературные курсы и стал задумываться о том, что надо бы написать о том, что пройдено, пережито, выстрадано...

Именно такие книги и пишет замечательный русский советский писатель Виктор Петрович Астафьев. Он лауреат Государственных премий РСФСР и СССР. Его «Последний поклон», «Царь-рыбу» знает наша страна, ее много-миллионный читатель.

«Царь-рыбе» многие дивились — дескать, и не роман это. Много отступлений, публицистика какая-то.

Да, публицистика. И это хорошо. Публицистика была и есть в традициях русской словесности. Потому что рядом с «пластичным», «волшебным пейзажистом» Иваном Тургеневым билась именно публицистическая, напряженная мысль Герцена и Щедрина, Достоевского и Писемского, и многих, многих других прекрасных писателей, земли русской, чьи имена накатывали на нашу общественную жизнь, как могучие, яростные волны...

Но не будем впадать в «юбилейный» тон. Нет, не в круглой дате дело. Это — лишь повод, чтобы сказать о том, что в великой нашей Родине, не только в Москве и Ленинграде, но и по всему ее потрясшему душу простраству живут прекрасные писатели, художники, артисты, музыканты.

Напомню, что Василий Белов — из Вологды, где и живет по сей день, Валентин Распутин — иркутянин, Евгений Носов (автор знаменитых «Усыатских шлемоносцев») — живет в Курске, ну, а юбиляр наш, Виктор Петрович Астафьев — в Красноярске, в своей Овсянке встречает свое шестидесятилетие.

Накануне юбилея замечательную написал статью о художнике Анатолии Тумбасове в «Советской России» (22 апреля 1984 г.).

Что же более всего ценит Виктор Петрович Астафьев сегодня? Не переменялись ли его взгляды, позиции, как это бывает порой у некоторых замечательных мастеров слова? Вспомним отступничество Кнута Гамсуна, а если говорить о современности, американца Артура Миллера.

Нет, все на тех же позициях стоит Виктор Астафьев, и к тем же самым высоким нравственным идеалам зовет нас. Пишет он о художнике скромном, застенчивом, который ищет могилу погибшего на войне друга. Думает написать картину с этой могилы, которая затерялась где-то в бескрайних просторах российских... И сердце его тревожит горькая, даже странная как будто мысль о том, что вот он жив, а человек, который ярче, талантливее, нужнее его, — погиб...

Это прямая перекличка с Александром Пушкиным и Михаилом Лермонтовым, с Александром Блоком и Александром Твардовским. Вспомним, что говорили наши великие писатели об ответственности живущих перед памятью погибших.

Это прямая нить, связывающая нашу литературу веков прошлых, с веком настоящим...

И не побоясь столь высоких слов, столь может быть, рискованных сравнений...

И в день, когда Виктору Астафьеву исполняется 60 лет, с берегов Волги на берега Енисея пошлем ему самые сердечные, самые искренние поздравления — работать, писать новые книги, которые будут прославлять отечественную литературу. Ибо он есть наш, очень родной и сердцем близкий человек — писатель в своем Отечестве.

А. СОЛОНЦЫН,
Член Союза писателей СССР.